

Октябрь

12

ДЕКАБРЬ

1962

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Журнал

*Орган
Союза писателей РСФСР*

ГОД ИЗДАНИЯ XXXIX

12

ДЕКАБРЬ

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Не баба была — герой.
На крыше походкой валкой
Гонялась за «зажигалкой»,
В обнимку с противоголозом
Дремала ночной порой».

Теперь вы видите, как неоправданна была бы наша поспешность. Очень просто было произнести приговор: «тетя Луша — мещанка», — куда труднее разобратся в человеке до конца. Оказывается, в годы войны эта женщина вела себя героически. Не следует судить ее слишком строго! Вот теперь-то точка может быть поставлена спокойно.

Но нет! Течение мысли делает еще один крутой поворот:

За это ей честь и слава!
Но мы не давали права
Заслуженной тете Луше
Лезть в души,
Плевать нам в души!

Мы как будто бы вернулись к мысли первых строчек, однако сейчас мысль раскрыта поэтессой в ее полноте и сложности. Да, прошлые заслуги тети Луши несомненны, но сейчас она мещанка, и мы ее судим за то именно сейчас. Поэтому с такой силой и горечью звучит голос поэтессы:

Тревога!
У нас в районе
Мещанство сидит на троне,
Сидит перед новым домом,
Не где-нибудь — на виду!
И людям воротит души,
Людей отвращение душит...
— Спасибочки, тетя Луша,
Я лучше пешком пойду!

Да, свойственное молодым поэтам обыкновение рано «ставить точку» часто рождает однолинейность, неполноту, ограниченность в разговоре о сложных жизненных явлениях.

Как-то молодой способный поэт пренебрежительно сказал мне: «Что мысль! Разве в этом дело? Формы нам не хватает! Что сказать у нас есть, а вот как сказать...»

Может быть, действительно формы?

«Метафора — мотор современной поэзии». Это говорит А. Вознесенский и говорит не только о молодой, вообще о поэзии. И так, формы?

Но раскройте «Юность», «Молодую гвардию», любой сборник, журнал, альманах со стихами молодых поэтов, перелистайте их первые книги — слабели формы бросится вам в глаза? На поэтических автомобилях моторы порой стоят первоклассные: автор умеет щегольнуть и аллитерацией, и ассонансом, и метафорой, «и ритм усложнен, как водится, и рифмы, как логарифмы» (Вал. Сидоров). Для того, чтобы мотор набрал нужное число оборотов, нужна мысль, и прежде всего мысль о человеке, его деле, его борьбе, его глубоком внутреннем мире. А без нее слишком много великолепных моторов бездействует: по форме стихотворение написано броско, а его в лучшем случае можно назвать «этюдом», «зарисовкой с натуры» — так поверхностен взгляд поэта на мир, так отчетливо его стремление остаться всего лишь добросовестным наблюдателем.

Упрекая молодую поэзию в известной скудости мысли, нельзя, конечно, упускать из виду объективной причины такого явления. «Накопление истины» для молодых поэтов — процесс трудный, сложный. Молодые часто принимают общеизвестные и банальные истины за смелое и дерзкое «первооткрытие», причем «открытия» эти нередко сопровождаются незримым, но многозначительным и претенциозным обращением к читателю: вы заметили? Вы оценили? В таких случаях незрелость перерастает в наивность, а кое-где и попросту в инфантильность.

Молодые поэты много сделали, многого достигли. Тем более хочется видеть каждую новую поэтическую книжку все более мудрой и «взрослой», встречать в ней дух дерзания и смелости. А главное — ясно различать в ней Человека с большой буквы.

СТИХИ И КИЛОМЕТРЫ

А. УРБАН

«Мы» — лаконичное и уверенное название сборника стихов Николая Майорова. Книга опоздала выйти из печати на двадцать лет. Ее автор погиб в 1942 году. Было тогда ему двадцать три. Он успел напечатать всего пять-шесть стихотворений, а мог бы написать десятки прекрасных книг. Но от него потребовалась

жизнь, и он отдал ее. Осталась тоненькая тетрабочка стихов.

«Стихи Николая Майорова уже не постареют, точно так же, как не постареет их автор, погибший в молодости и навсегда оставшийся молодым» — так закончил свое предисловие к книге Майорова Павел Антокольский. И вот сегодня

ня сквозь целую эпоху войны и мира к молодым пришел этот молодой поэт, чтобы сказать о себе, о своем поколении, о молодости, начинавшейся так уверенно и оборвавшейся так трагически.

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли...
Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочтаете, как миф,
О людях, что ушли, не долубив,
Не докурив последней папиросы.

В двадцать лет Майоров знал, что его ожидает. Каким законченным кажется его характер: «Я полюбил весомые слова!» И эта прямота, с которой Майоров берется говорить от имени своего поколения! И это уверенное, утверждающее и гордое «мы»!

Стихи Майорова, составившие книгу, написаны до войны, еще до того, как поэту пришлось столкнуться с самыми серьезными жизненными испытаниями. Он никогда не воевал, а уже твердо знал, к каким трудностям нужно готовиться. Он еще не освоил во всех тонкостях ремесло поэта, а уже сумел выбрать «весомые слова» для своих стихов. Он с веселой непринужденностью признавался:

...между нами, впрочем, говоря,
Я не глотал еще воды соленой.
Не видел пляжа в Сочи, не лежал
На пестрой гальке в летнюю погоду,
Еще ни разу я не провожал
В далекий рейс морского парохода.

«Еще мои мальчишеские губы пустыня древним зноем не сожгла». И, однако, эти губы имели уже резкие, волевые очертания.

Герой современной молодой поэзии, не в пример герою стихов Майорова, успел увидеть бесконечно многое. Одно из пристрастий его — путешествия. Сибирь, Средняя Азия, Крайний Север... Казалось бы, в странствиях он должен обрести опыт, укрепить характером, выработать «остроту глаза и мысли».

Но вот как порою оборачиваются эти путешествия:

«Я спешу. Я спешу. Я спешу. Наспех думаю, наспех пишу, наспех пью, наспех ем, наспех сплю, наспех ссорюсь и наспех люблю. Я читаю, грущу, веселюсь, — и всегда тороплюсь, тороплюсь...» Это из стихотворения В. Павлинова. Крайне общее и бескрасочное чувство! Герой спешит. Он все время в дороге. Но что дает ему эта дорога? «То песок, то лесок над логом, то жара, то буран и снег...» Снова самое общее впечатление. Однако, может быть, он сумел как следует познакомиться с дорожными спутниками? «Здесь едут работники сельского клуба, старуха — во рту ни единого зуба, простые девчата, одетые грубо, и старец с лицом из (!) мореного дуба, шахтеры, охотники, старый матрос...»

Беглое перечисление профессий и самые банальные признаки, не содержащие никакого открытия.

Герой В. Павлинова занят полезным трудом. Он участник поисковых экспедиций. Мы видим внешние признаки его работы, его «спецодежду», слышим декларации о значении и красоте профессии, но в них нет новой поэтической мысли.

Нельзя сказать, что у Павлинова совсем нет находок, удачных образов. Их можно было бы назвать: «Ветер с оста, сухой и жгучий, как костер». Или: утром «солнце, врываясь, в седлах вычертит нас».

Эти образы говорят о том, что у В. Павлинова есть чувство формы, поэтический слух. Здесь таятся возможности развития и совершенствования его как поэта. Но пока эти находки далеки от оригинальной художественной системы. «Ходит солнце лисицей рыжей», «желтый лес, будто шкура лисья» — читаешь и невольно вспоминаешь Шефнера: «Осень прыгнула желтой рысью на леса, на кусты ивняка». У Павлинова — «русый выжженный чуб пахнет солнцем и сеном», «золотой теленок у оленихи лижет серый бок». Здесь рядом где-то стоит тень Сергея Есенина.

Это даже не заимствование — поэт скорее всего самостоятельно нашел эти образы. Суть в том, что его поэтическое мышление не стало еще самобытным, он мыслит в ключе существующих литературных традиций, не развивая их. И хотя В. Павлинов работает достаточно гладко, с профессиональным навыком, он не обновляет избранные им темы.

Дело, однако, не в одной только традиционности. Стих, например, В. Британишского достаточно «современен», в нем есть свежесть рифмы, любопытная инструментовка, живые метафоры. Герой Британишского тоже из странников и непосед. Если герой В. Павлинова не прочь явиться перед читателем в несколько экзотическом снаряжении, порази́ть тем, что «бородой зарос, как леший, износил сапоги до дыр», то Британишский пытается расстаться с этой позой, обрести естественность, искренность во всем. Главное, по его словам, не любованье экзотичностью героя («от этой поэмы мало пользы»). Автор намеревается показать «приметы будущей Сибири, все преимущества ее».

Однако он тут же ограничивает цель своего рассказа. «Чтоб стало (!) для тебя не прихоть — необходимость (!), долг, судьба — в Сибирь, в Сибирь ко мне приехать!» — обращается он к любимой. Эта идея и становится основой книги. Смотрит герой на хребты Урала, наплывают ассоциации (горы «как будто лошадь в поводу»), но работа воображения на этом заканчивается. Далее идет повторения: «Горы, горы — голубятни человеческого духа!» Или: «Горы вместо горя. Горы

вместо гордости». И опять: «Ведь ты вернешься, милая, в будущем году?»

На всех этапах сибирского путешествия звучат одни и те же заклинания: «Или верить и ждать? Или так уезжать?» «Ладно! Год пусть! Нет! Раньше! Ты приедешь вдруг. Не вдруг, а просто — в отпуск!..»

Тревоги были напрасны. Милая приехала на Север. «Белый день... И целый день ты со мною здесь!» И опять уже знакомое: «Неужели ты уедешь—уедешь от меня!» Она уехала. «Твои письма голубые... Целый праздник на поселке с (!) одного письма!» Снова мечты и грезы о встрече: «Тебя от счастья золотую и розовую изнутри (!) в дверях открытых зацелую». И так до потери вкуса: «Вот здесь бы фразой цветастой тебя украсить — подарить», «В бесчисленных смешных причинах все новой нежности тону»... Круг, наконец, замыкается: «Ты сидишь, закабаленная колыбельной кабалой». Тут и песенки конец.

Путешественник похож на мальчика, который на скамейках, на деревьях, на вагонных полках упрямо вырезает одно памятное имя. Дорога же, суровая Сибирь, ее природа превращаются в фон дневниковых вздыханий. Обещанные «приметы будущей Сибири» декларативны и общи, случайны и незначительны признаки, общеизвестны наблюдения: «Там — такие холода! Там — такая тундра! Никакой там нет весны, никакого лета — только бегают песцы голубого цвета! Только — мох на гребнях скал. Только рыба — реками...» «И мы восхищаемся рыбой, и птицей, и зверем». Общее, общее, общее...

В сущности, почти у каждого молодого автора мы встречаем эту тему дороги и странствий, будь то цикл О. Дмитриева «Друзьям сороковых годов» или сборник В. Кострова «Линия», книга Л. Куклина «Необходимость» или сборник И. Харабарова «Синие камни». И это естественно. Странствия просто необходимы для молодого человека. Мир надо познавать вглубь и вширь, увидеть, как живут люди, почувствовать и укрепить свою связь с человечеством.

Но отчето все-таки иные путешествия получают такими малоинтересными, хотя, казалось бы, пройдено столько дорог, почему иные «домоседы» оказываются опытнее и интереснее самых ярких «туристов»?

Среди «путешественников» очень распространена одна мысль. Вот несколько ее метаморфоз.

«Беги от красавиц, чья кожа бела, избалует тебя и изнежит столица». «Убегу я на край земли — и плевать мне на все бумаги! Лишь бы руки не подвели» (В. Павлинов).

«Не живут в столице однолюбы: все они в провинции живут» (В. Британишский).

«Не ради известки с асбестом в отчаянье он на восток сбежал, как спасаются бегством...» (В. Соколов).

Для иных поэтов путешествие — это своеобразное упрощение судьбы, разрубленный узел. Дорога оказывается и целью и средством одновременно. Она помогает избавиться от размышлений и сложностей. Отсюда и возникает это противопоставление «столиц» неизведанным пространствам, наивный руссоизм в век атома.

«Принимаю заветы ветхие и цветенье вечных лугов... Мои крылья из алюминия опадают сами собой... Отрекусь от любого транспорта — без меня курсирует пусть! И от времени и от пространства, от растраты их отрекусь!» — это строки из стихотворения в книжке Британишского.

Разумеется, раз человек бежал от размышлений, от «цивилизации», ему остается только забвение. «Крепкий чай, крепкий сон — только это и необходимо, без ночных сновидений, запаянный наглухо сон...» (Л. Куклин).

Героев не спасает и попутно высказанное презрение к уюту, позиция неприятия быта: «Одного не хочу: обычного, обесцвеченного, обесцвеченного, одним словом, житья-бытья» (В. Британишский). Это неприятие выражается обычно в том, что герой берет шапку и уходит: «Мне не нужно московской луны, мне не нужно московской квартиры» (В. Павлинов). Герой больше не хочет думать о быте. Он делает все наоборот — окружает себя неким «антибытом»: зарастает бородой, носит рваную куртку и резиновые сапоги, слегка позируя своей грубоватостью, простотой и презрением к мягкой постели, теплоте очагу. В стихе оказывается очень важным перечень дорожных неудобств, путевых принадлежностей, таежного гардероба и способов передвижения.

В противоположность быту квартир расписывается неуютный быт палатки и вагона. Именно неуютный. Будь в дороге отличный сервис, герою, кажется, просто не о чем будет вспоминать. Для описания кочевой жизни прибегаются самые выпендренные слова, создаются и свои штампы. Романтика переходит в банальность. И вот уже герой становится в позу, чтобы произнести красивую чепуху о себе: он, оказывается, «искатель острых ощущений и интересных приключений» (В. Павлинов).

Скрудны дороги бегства. Забвение так же противопоставлено поэзии, как и молчание. Читатель между тем ждет от путешествующего героя ясности и глубины ума. Важны только те дороги, которые меняют судьбы героев, дают новые силы, пробуждают мысль. Накручивание километров не может быть предметом особой гордости. Поверхностно противопоставление столиц странствиям. Сегодня более или менее серьезное суждение о мире, о человеке невозможно без мысли о напряженной и сложной жизни современного города с его техникой, архитектурой, людьми, управляющими сложными машинами, без разговора об

острых нравственных вопросах. В современной светлой и удобной квартире может жить талантливый инженер, новатор и мыслитель, а в палатке распевать романсы и скучать неинтересный поэт.

Не разъединить и предать забвению, а узнать и сблизить то, что казалось разорванным и неведомым, понять связь вещей и событий, обрести мужество и твердость, преобразить то, что выглядит тускло и невзрачно,— вот благород-

ная цель человека, уходящего в дорогу.

Стихи Николая Майорова, не успевшего даже совершить своего первого путешествия, живут сегодня: поэт мыслил о времени, о поколении. Его интересовали связи, царящие в мире. Он часто их прозорливо угадывал, проявляя характер и настойчивость. И это было главным, что помогло поэту через двадцать лет прийти к читателю, стать нашим современником.

ИСТОКИ ПОДВИГА

Юрий ИДАШКИН

В острых жизненных коллизиях, в критических ситуациях, требующих максимального напряжения (а стало быть, и выявления) всех душевных и физических сил, человеческая личность проходит особую проверку. В таких ситуациях возможны и приятные открытия и горькие разочарования, порой неожиданные для окружающих.

Именно поэтому литература, особенно молодая, часто обращается к подобным положениям, содержащим богатые драматические возможности. Но очевидно, что сам акт героизма, тот удивительный взлет человеческих качеств, в котором проявляются самые глубокие свойства личности, не может быть ни понят, ни показан без тщательного изучения обстоятельств, подготовивших его.

Истина эта, в сущности, довольно элементарна, и я упоминаю о ней только потому, что литературная практика последних лет содержит немало примеров игнорирования этой истины. Для лучших произведений советской литературы — от «Цемент» и «Разгрома» до «Звезды» Э. Казакевича и «Знакомьтесь, Балуев» В. Кожевникова — характерно глубочайшее психологическое раскрытие истоков героизма. Но, к сожалению, мы иногда сталкиваемся и с попыткой создать образ героя, чей героизм не только не мотивирован психологически, но, напротив, если можно так выразиться, «демотивирован».

Объективно за подобным изображением героев стоит определенная концепция: проявление лучших качеств человеческого характера никак не зависит от жизненного опыта героя, от его повседневного поведения в обычных, «не критических» ситуациях. Больше того, поведение героя в буднях может всту-

пать в явное противоречие с его подлинными, только до поры скрытыми качествами.

Между тем жизнь свидетельствует об ином — о том, что человеческую личность прежде всего формирует практика повседневного поведения. Я позволю себе напомнить древнюю индийскую мудрость: «Посеешь поступок — пожнешь привычку; посеешь привычку — пожнешь характер; посеешь характер — пожнешь судьбу».

Недавно молодой писатель В. Амлинский писал: «Молодой литератор не так прост, как раньше... Он понимает: героев проверяют не одними лишь таежными испытаниями или геологическими жестокими тропами (как еще часто мы любим делать это в своих произведениях!). Их проверяют самой обыкновенной каждодневностью... Каждодневностью, требующей терпения и силы, веселости и убежденности и, наконец, порыва. Ибо самая привычная и обыденная жизнь как раз больше всего и нуждается в порыве...»

Очень хорошо, очень правильно сказано!

Об этом «порыве обыденной жизни» у нас умеют писать ярко и убедительно.

«За проходной» — так и называется рассказ И. Грековой («Новый мир» № 7).

«Здесь в институте — за проходной — много лабораторий. Еще больше их в других институтах. Они разные, как люди. Эта, десятая, ничем, пожалуй, не примечательна», — предупреждает нас автор.

И вот мы знакомимся с работниками десятой лаборатории.

Женька Стрельцов. По специальности он, как и другие, физик. А по прозвищу «лирик». Физик-лирик! Еще совсем недавно кое-кто пытался доказать, что

